

ЗАМОРСКИЙ ТАЙНИК

АЛЕКСАНДР
ТАМОНИКОВ



МОСКВА



ЗАМОРСКИЙ ТАЙНИК

АЛЕКСАНДР
ТАМОНИКОВ



МОСКВА

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Т17

Иллюстрация на обложке
Алексея Дурасова

Тамоников, Александр Александрович.

Т17 Заморский тайник / Александр Тамоников. — Москва : Эксмо, 2025. — 320 с. — (Спецназ КГБ).

ISBN 978-5-04-221611-4

Конец семидесятых годов. С подмосковной дачи известного профессора-историка похищена редкая икона, гордость коллекции. Одновременно в разных концах страны совершены еще три похожие кражи. Следствию удастся задержать одного из преступников. С его слов, все украденные реликвии были проданы за рубеж. Кто заказчик, злоумышленник не знает, но посредником сделки был гражданин ФРГ. Вернуть бесценные шедевры поручено группе спецназа КГБ Вячеслава Богданова. Под видом матросов грузового судна бойцы прибывают в Гамбург...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Тамоников А.А., 2024
© Оформление.

ISBN 978-5-04-221611-4

ООО «Издательство «Эксмо», 2025

ГЛАВА 1

У профессора-историка Леонтия Кузьмича Матвеева было увлечение — он коллекционировал предметы старины. Впрочем, увлечение — это было словом приблизительным и неточным. Страсть — вот самое точное слово! Да-да, именно так — страсть! Леонтий Кузьмич был страстным коллекционером. Он коллекционировал предметы старины.

Вообще-то предметы старины — это весьма растяжимое, образное и многогранное понятие. Предметом старины можно назвать любую вещицу или даже фрагмент вещицы — какой-нибудь черепок от древнего сосуда, или, скажем, обломок такого же древнего меча, или что-то иное в этом роде. И это будет правильно: если найденному черепку или обломку меча много сотен лет, то они и есть предметы старины.

Но ни черепки, ни мечи, ни какие-нибудь ветхие манускрипты Леонтия Кузьмича не интересовали. То есть, конечно, они его интересовали — как свидетельства исторических эпох. Они его интересовали в профессиональном плане — как-никак Леонтий

Кузьмич был профессором-историком. Но трепетной страсти они в нем не вызывали.

Такую страсть в нем вызывали совсем другие предметы старины — а именно все, что так или иначе было связано с религией. Причем неважно, какая это была религия — старообрядчество, православие, да хоть даже всевозможные языческие игрища и ритуалы! Профессор Матвеев не был верующим человеком, и потому древние раритеты не вызывали в нем трепетных душевных чувств. Хотя все же вызывали. Да-да, конечно же, вызывали! Но к религии и вере эти чувства не имели никакого отношения. Он был коллекционером и испытывал к предметам, которые собирал, чувства собственника, прекрасно осознающего, что ни у кого больше таких предметов нет и быть не может. Возможно, кому-то такие чувства будут непонятны, но в этом случае тот, кому они непонятны, — никакой не коллекционер. А вот истинный коллекционер-собиратель прекрасно поймет чувства профессора Матвеева и разделит его душевный трепет.

При всем при том Леонтий Кузьмич не имел, можно сказать, прямого отношения к древним векам и эпохам. Он хоть и был профессором-историком, но изучал эпохи, гораздо более приближенные к современности. В этих эпохах не было уже раритетов, коими так интересовался профессор Матвеев. Там были совсем другие ценности, и они не вызывали у профессора душевного трепета, и коллекционировать их ему не хотелось. Он их изучал, не испыты-

вая к ним никаких волнительных чувств. Да, это, наверно, шло вразрез с элементарной логикой, но при чем тут логика, когда речь идет о страсти? Страсть — она не имеет с логикой ничего общего, она живет по своим правилам и законам.

За всю свою сознательную жизнь — начиная от студенческих лет и заканчивая нынешним возрастом — Леонтий Кузьмич добыл множество самых разнообразных артефактов. Тут были и небольшие фрагменты, и целые вещи. Некоторые из предметов профессор реставрировал, причем делал это самолично, не доверяя этой тонкой работы никому, даже известнейшим реставраторам. И не потому, что он опасался за сохранность своих сокровищ. Наоборот, он рассказывал о них многим людям и довольно часто устраивал своего рода выставки, где выступал в роли экскурсовода. Разумеется, кого попало на эти выставки он не приглашал, а все больше людей, понимающих толк в старине и красоте. Ему нравилось видеть удивленные лица посетителей и слышать их восхищенные голоса. О профессоре и его коллекции даже писали в газетах. Все это наполняло душу профессора радостью и гордостью.

Ну а что касается реставрирования, то Леонтию Кузьмичу просто нравилось заниматься этим делом. И он это умел. А если тебе нравится и ты это умеешь, то зачем приглашать кого-то другого?

Жил профессор вместе с семьей в Москве, у него в столице была квартира — просторная и с множе-

ством комнат. Но все равно — хранить в квартире раритеты было делом непростым, если не сказать невозможным. Во-первых, раритетов было много, и некоторые из них были довольно-таки громоздкими. И потому в городской квартире, даже просторной, все их вместить было просто невозможно. А во-вторых, некоторым раритетам необходимы были специальные условия для их сохранности: определенная температура, освещенность — чтобы было не очень темно, не слишком ярко, ну и тому подобные важные условия. Понятно, что в городской квартире соблюсти все эти условия не было никакой возможности. Поэтому все свои богатства профессор хранил на даче. Дача у него была за городом, но при этом от самого города недалеко, так что добраться до нее можно было за каких-то полчаса. Это, конечно, если ехать на машине, а машина у Леонтия Кузьмича имелась — «Волга». Дача была двухэтажной, и это было замечательно. Почти весь второй этаж профессор отвел под своеобразный выставочный зал для своих раритетов. Конечно, даже там они вмещались едва-едва, но пока что вмещались.

Леонтий Кузьмич не опасался, что с его сокровищами может случиться какая-нибудь беда — допустим, кто-то может их украсть. Об этом он даже не думал. Во-первых, коллекция хранилась на даче уже много лет, и ни разу еще не случалось какой-нибудь пропажи. Никто из посторонних даже не приближался к даче, а не то чтобы пытался проникнуть

внутри. Во-вторых, профессор оборудовал дачу сигнализацией. Ну и в-третьих — он нанял специально-го человека, иначе говоря, прислугу.

Профессорский оклад и гонорары от публикуемых книг позволяли Леонтию Кузьмичу такую несоциалистическую вольность, как прислуга. Человек этот был проверенным, с рекомендательными письмами, что и понятно — первого попавшегося профессор у себя на даче не поселил бы. А этот человек жил именно на даче, в небольшом флигеле. Причем круглогодично. Семьи у него по какой-то причине не было, а почему — Леонтий Кузьмич не интересовался, так как считал такое любопытство неэтичным. Для профессора гораздо важнее было то, что этот человек — не пьющий, спокойный, к тому же мастер на все руки. Он был и садовником, и дворником, и электриком, и слесарем-водопроводчиком, и штукатурить умел, и плотничать, и, наверно, обладал какими-то другими познаниями и умениями. Но главной его обязанностью было сторожить дачу, а пуще всего — выставочную галерею на втором этаже.

Человека этого звали Федором Кузнецовым. Жил он на профессорской даче вот уже почти четыре года, и за все это время не случилось ни единого казуса или какого-либо недоразумения. Все на даче было в порядке, сокровища на втором этаже — в целости и сохранности, а что еще надо?

Как Леонтий Кузьмич добывал свои богатства, в каких местах и какими способами? Можно ска-

зять, по-разному. Или, иными словами, все это было делом случая. И при этом — никакой противоправной деятельности, никакого криминала! Ничего подобного профессор себе позволить не мог. Он был известной в городе и даже во всей стране личностью, уважаемым человеком, у него было имя, был авторитет — какие уж тут вольности с законом? Да он и склонен-то не был ни к какому криминалу!

Словом, все было чинно и гладко. Какую-то часть раритетов Леонтий Кузьмич добывал на раскопках древних курганов и городищ. Он очень любил вместе со студентами ездить на такие раскопки — в первую очередь именно потому, что там можно было разжиться какой-нибудь необычной древней вещицей или хотя бы ее частицей. О, разумеется, он прекрасно знал: все, что хранится в земных недрах, есть собственность государства, и потому самовольное присвоение какого-нибудь раритета — это преступление. Но все дело было в том, что зачастую государству найденные при раскопках черепки, железки, камешки, а то и какие-то вещи в относительной сохранности были просто не нужны. А Леонтию Кузьмичу нужны. Государство не видело в них никакой особой ценности, а Леонтий Кузьмич видел. И он забирал себе то, что не нужно было государству. Какое тут преступление, в чем здесь криминал?

Немало сокровищ для своей коллекции профессор покупал с рук. Опять же, это не были краденые предметы — уж в таких-то делах Леонтий Кузьмич

разбирался отлично. Все было совсем иначе — профессор покупал сокровища на барахолках, среди всяческой рухляди. Иногда на этих развалах встречались вещи воистину удивительные — настоящая старина! Тот, кто эти вещи продавал, ни о чем таком, конечно, не ведал, а вот Леонтий Кузьмич ведал. Разумеется, он ничего не говорил продавцу об истинной ценности вещи. Было ли это, опять же, преступлением? Если и было, то лишь против совести, а вот против закона — ни в коем случае! Да и против совести было ли? Ведь если бы продавец какую-нибудь редкую вещицу не продал, то он почти наверняка ее бы выбросил. Или уничтожил. И в итоге человечество лишилось бы уникального раритета.

Так в чем же здесь преступление против совести? Наоборот, профессор поступал по совести — он сохранял частицу истории человечества. Вот так-то — если уж называть вещи своими именами. А то, что купленная вещица оседала в личной коллекции профессора — так, опять же, в чем тут проступок? Государство — оно по барахолкам не ходит и не выискивает там всяческие ценности. Государству это без надобности. А вот Леонтий Кузьмич ходит, он видит в этом смысл. И здесь его интересы никак не соприкасаются с интересами государства.

А еще — Его величество случай. Иными словами, какую-то часть раритетов Леонтий Кузьмич добывал в буквальном смысле благодаря прихоти случая. Вот, скажем, совсем недавно профессор разжился двумя

старинными иконами. А дело было так. Его дача находилась недалеко от одного подмосковного поселка. Это был старый, еще дореволюционных времен поселок, и многие дома в нем также были старыми, скособоченными, вот-вот готовыми развалиться. Конечно, такие дома сносили, и на их месте строили новые.

Леонтий Кузьмич любил смотреть, как сносят старые дома. Это зрелище почему-то привлекало его само по себе, а еще он знал, что в старых домах можно разжиться какой-нибудь древней, поистине дорогой вещицей. Вещи, как известно, переживают своих хозяев, иногда — на целые века.

И вот: в поселке ломали один из ветхих домов. Дом был старый, в нем давно уже никто не жил. Говорили, что его еще в восемнадцатом веке строил какой-то купец — да, наверно, так оно и было. Обычно в старых домах, в которых никто не живет и жить уже никогда не будет, всегда есть чем поживиться. Двери, рамы, половицы — все это может пригодиться для каких-то целей другим людям. Но в данном случае и двери, и рамы, и половицы были на месте: уж слишком все это было ветхим. Гниль — она даже на дрова не годится.

Леонтий Кузьмич как раз в то время был на даче, и он пошел смотреть, как ломают старый купеческий дом. Когда дом сломали и когда бульдозер начал сгребать в кучу обломки, кто-то из рабочих заметил деревянный, окованный ржавыми металлическими полозьями сундучок.

— Ну-ка, погоди! — замахал рабочий бульдозеристу. — Погоди, тебе говорят!

— Чего? — высунулся из кабины бульдозерист.

— Чего-чего! — передразнил рабочий. — Видишь — какой-то ящикек! Вроде как сундучок. Или ларец...

— Какой еще сундучок? — не понял бульдозерист. — Отойди, мне эту гниль надо сгрести в кучу!

— Успеешь, — сказал рабочий и глянул на своих товарищей. — Ну-ка, братцы, подсобите. Интересный сундучок!

— И что же в нем интересного? — равнодушно спросили сразу несколько голосов. — Ну, сундук... И что?

— Э нет! — усмехнулся рабочий. — Всякое бывает в таких сундуках... А вдруг там спрятано золото? Или, скажем, какие-нибудь жемчуга? Дом-то старинный, купеческий! Вот купчина чего-нибудь и припрятал на черный день! А воспользоваться не успел. Скажем, неожиданно помер. Или его расстреляли большевики. Всякое могло быть! А потому надо бы посмотреть, что там, в том сундучке. А может, и впрямь сокровища? Понятно это или непонятно вашим бестолковым головам?

Слово «сокровища» рабочим было вполне понятно.

— А что! — раздались голоса. — Оно ведь и впрямь... Всякое бывает — в таких-то домах. Вот и в газетах пишут... Я читал. Ломали, значит, дом примерно такой же, как этот. И вот представьте себе...

Но никому было неинтересно, что случилось в каком-то абстрактном доме невесть где и когда. Рабочие мигом разгребли гниль и вытащили сундук.

— Э, да на нем замок! Здоровенный такой, старинный... Значит, и в сундуке что-то есть. Кто бы стал запирать на замок пустой сундук? А вот мы его сейчас! Топором или обухом!..

Леонтий Кузьмич все это видел и слышал — он находился неподалеку. Перепрыгивая через завалы, он подбежал к рабочим.

— Погодите! — крикнул он. — Зачем топор? Не надо топора! Опустите топор, тебе говорят! Тут надо осторожно... А вы как варвары!

— А ты кто такой? — спросил рабочий с топором. — Начальство, что ли? Ну так откуда ты тут возник, начальничек? Почему я должен годить?

— Если там и вправду что-то ценное, то своим топором ты все уничтожишь! — запальчиво произнес Леонтий Кузьмич. — Неужели непонятно? Это тебе не дрова рубить. Тут надо с умом... Осторожненько, бережно...

— А ведь и вправду, — загалдели рабочие. — Тут надо с умом! А ты, Серега, размахался колуном! Тебе только колуном и махать. Отойди-ка со своей секирой! Мы сами, без тебя...

— Нет, а кто ты есть? — не унимался Серега, со злостью глядя на Леонтия Кузьмича. — Ходят тут, командуют...

— Я — профессор Матвеев Леонтий Кузьмич. Здесь неподалеку моя дача.

— Во как! — удивились рабочие. — Профессор! Дача! А ты, Серега, тут с топором... Дурак ты и есть. И помрешь дураком. Товарищ профессор, так что же там может быть, в том сундучке? Как вы думаете?

— Всякое может быть, — ответил Леонтий Кузьмич. — Иногда раритеты...

— Чего? — Рабочие явно не знали, что такое «раритеты».

— Всякие старинные предметы, — пояснил профессор. — Весьма ценные для науки.

— А-а-а! — уважительно протянули рабочие. — Тогда конечно... А вот, скажем, золото может там быть?

— Может, и золото, — отозвался профессор. — Все может быть.

— И что же, вы когда-нибудь находили золото? — спросили рабочие.

— Случалось, — усмехнулся Леонтий Кузьмич.

— И куда же вы его девали?

— Отдавал государству, в музеи, — сказал профессор. — Куда же еще?

— Да ну... — разочарованно протянули рабочие. — Оно, конечно, мы понимаем — наука. А все же — золото...

— Всякому, кто нашел сокровище, по закону полагается двадцать пять процентов его стоимости, — сказал профессор.

— Иди ты! — не поверили рабочие. — Целых двадцать пять процентов!

— Точно, — подтвердил Леонтий Кузьмич. — Уж я знаю законы...

— Это что же получается? — удивился один из рабочих. — Если, допустим, в том сундуке — миллион, то мне, стало быть, причитается двести пятьдесят тысяч?

— Почему же одному тебе! — возмущенно загалдели рабочие. — Сдается, мы все вместе откопали этот сундук!

— Я же это для примера, — пояснил рабочий. — Чтобы было понятнее. А так — оно, конечно... Даже если эти двести пятьдесят тысяч мы поделим поровну на всех, то и в этом случае... — Рабочий изумленно повертел головой. — Слышь, Серега, а ты тут с колуном. Это хорошо, что рядом оказался профессор. А то бы... Дикий ты человек, Серега! Образованности в тебе нет!

— Давайте уже откроем! — зашумели рабочие. — Что зря языком трепать! Может, там и вовсе ничего нет! Было да сгнило!

С большой осторожностью сундук открыли, и столпившиеся рабочие разочарованно выдохнули. Никакого золота и прочих драгоценностей в сундуке не было. А были там четыре небольшие, потемневшие от долгого лежания дощечки, каждая из которых отдельно была завернута в пропитанную воском льняную ткань: несмотря на то что дощечки долгое

время находились в сундуке, остатки воска на ткани еще сохранились. Леонтий Кузьмич осторожно взял одну из дощечек и бережно ее развернул.

— Ну, — разочарованно протянул кто-то из рабочих, — тоже мне сокровище! Дощечка, на которой что-то намалевано... Икона, что ли?

Да, это была икона, и притом, похоже, старинная. Конечно, утверждать это было рановато, тут требовалась серьезная экспертиза. Но все же, все же... На первый взгляд икона и впрямь казалась довольно-таки старой. Так же осторожно Леонтий Кузьмич извлек из сундука и освободил от ткани остальные три дощечки. Это тоже были иконы. Потемневшие, с едва различимыми ликами и такими же почти черными окладами.

— Вот и все, — сказал Леонтий Кузьмич. — А больше в сундучке ничего нет. Можете убедиться сами.

Да, в сундучке и впрямь больше ничего не было. Разочарованию рабочих не было предела.

— А мы-то думали... — проворчали они и стали расходиться.

— А можно я эти иконы заберу с собой? — осторожно спросил Леонтий Кузьмич. — Для науки они пригодятся...

— Забирайте, если хотите, — равнодушно ответили рабочие.

Так профессор Матвеев стал обладателем редчайшего сокровища. То, что в его руках и впрямь во-

лею случая оказалось истинное сокровище, ему стало понятно в тот же день, когда он, запершись на даче, произвел предварительную экспертизу находки. Три иконы из четырех, судя по всему, не представляли особой ценности. Имелась в виду культурная ценность, а не духовная — в духовных ценностях профессор был не особенно силен. Духовные ценности всегда представлялись ему неким абстрактным понятием, в отличие от ценностей культурных, а тем более материальных.

Впрочем, о материальных ценностях Леонтий Кузьмич пока что не думал — эту тему он решил отложить напоследок. А вот что касается культурных ценностей... Итак, первые три иконы в этом плане были не особенно ценны. По всей вероятности, это были копии более древних икон. Да, они были выполнены мастерски — насколько профессор мог судить, но копии есть копии.

А вот четвертая икона... Леонтий Кузьмич вначале даже не поверил своим глазам. И уж тем более он не поверил, что такое вообще может быть! По всем приметам выходило, что это не копия, а подлинник. Уж в таких-то вещах профессор разбирался неплохо. Да, конечно, здесь нужна была более тщательная, профессиональная экспертиза, однако и без нее все говорило о том, что это — подлинник.

Далее. Судя по всему, это была очень старая икона. Когда именно ее написали, об этом Леонтий Кузьмич мог лишь предполагать с некоторой долей

вероятности и допущения. Но он был уверен, что в его руках и впрямь оказалось истинное сокровище. Профессор это понял, как только взгляделся в изображение на иконе сквозь увеличительное стекло.

На иконе был изображен святой Иоанн Лествичник! И чем дальше, тем меньше у профессора было сомнений, что это так и есть на самом деле! Леонтий Кузьмич едва не лишился сознания от нахлынувших чувств, когда окончательно убедился, что так оно и есть — это икона святого Иоанна Лествичника! Притом, скорее всего, подлинная!

Тут было от чего разволноваться. Леонтию Кузьмичу доводилось слышать и читать в специальных справочниках об этой иконе. И все источники единогласно утверждали, будто такая икона и впрямь когда-то была, но затем исчезла самым загадочным образом. Многие пытались напасть на ее след, но никому это не удалось. Даже скопированного изображения этой иконы не осталось, были лишь ее словесные описания. И тут вдруг нате вам — в полу-сгнившем сундучке в полуразрушенном купеческом доме обнаружена давным-давно исчезнувшая икона! Это было невероятно, в это невозможно было поверить, но это было так. Вот она, икона. Притом полностью соответствует ее словесному описанию — Леонтий Кузьмич проверил это по специальному справочнику, который имелся у него в наличии.

Да, но как она оказалась в том сундучке? Об этом профессор почти не думал, потому что какая